

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В ОСЕТИИ В КОНЦЕ XVIII –XIX ВВ.

Дзагоева Э.П.¹

¹*Федеральное государственное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО – Алания, Владикавказ, Россия (362040, РСО – Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail:leonoradzagoeva@mail.ru*

В статье анализируются имущественные права женщины-осетинки в конце XVIII – XIX вв. На основе исследования этнографических источников и контент-анализа периодической печати XIX века рассматривается возникновение института приданого и расширение прав собственности девушки в период вступления в брак. Устанавливаются конфессиональные особенности формирования имущественного обеспечения невесты и страховая часть на случай развода, особенно получившие развитие в среде осетин мусульман по религиозному брачному договору. Автором выявлены гендерные изменения в осетинском обществе, благодаря которым имущественные права женщины получили укрепление в законодательных актах второй половины XIX века. Отмечено законодательное подтверждение увеличения имущественных прав женщины путем введения обязанности агнатов на передачу 1/3 от имущества калыма в собственность невесты. Усиление имущественных прав благотворно отразилось на общественном статусе осетинки в исследуемый период.

Ключевые слова: патриархальный строй, имущественное право, женщина, собственность, калым, приданое, брачный договор, бракоразводный процесс.

FEMALE PROPERTY RIGHTS IN OSSETIA AT THE END OF XVIII –XIX CENTURIES

Dzagoeva E.P.¹

¹*Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail:leonoradzagoeva@mail.ru*

The article analyzes the economic rights of female Ossetian at the end XVIII - XIX centuries. Based on ethnographic research sources and content analysis of the periodical press of the XIX century is considered the emergence of the institution of dowry and the empowerment of women in the period of ownership of marriage. Established religious peculiarities of the property to ensure the bride and insurance in case of divorce, especially were developed in the medium Ossetian muslims for their religious marriage contract. The author reveals the gender changes in the Ossetian society, by which the property rights of women were in the strengthening of the legislative acts of the second half of the XIX century. Noted legislative confirmation increase women's property rights by introducing a duty on the transfer of agnathy 1/3 of dowry property in the property of the bride. **Strengthening property rights beneficial effect on the social status Ossetian during the study period.**

Keywords: patriarchal order, property right, woman's rights, dowry, prenuptial agreement, the divorce process.

Имущественная дискриминация женщины является одной из черт патриархального строя, характерного и для традиционного осетинского общества конца XVIII в. Н. Харузин замечал, имущественные вопросы, наследственное право и формирование прав собственности напрямую зависят от развития общественного строя [13], в котором определяется частная и коллективная собственность, распространяющаяся на движимое и недвижимое имущество семьи. Актуальным вопросом гендерного исследования имущественных отношений осетин представляется рассмотрение прав собственности женщины на виды семейного имущества и определение имущественных прав при заключении брака и при бракоразводном процессе.

Обычное право осетин лишало женщину прав притязания на движимое и недвижимое имущество семьи (землю, жилые и нежилые постройки, скот), последнее особенно ярко проявлялось в исключении ее из числа наследников. Тем не менее в патриархальной семье женщина обладала правом частной собственности на предметы личного характера. В девичестве имущество девушки состояло исключительно из одежды и некоторых вещей индивидуального пользования, качество и количество зависело от сословного происхождения и материального достатка семьи. В период брачного возраста, в Осетии он наступал в 15-17 лет, гардероб расширялся внеочередным выделом ей тканей на одежду, так как первостепенной задачей семьи становилось скорое замужество [12, с. 55]. Каждый член патриархальной семьи обладал равнозначным правом на продукты питания, бытовые предметы, так как являлся ее рабочей, хозяйственной единицей. Большими привилегиями пользовались лица мужского пола, так как основная хозяйственная нагрузка ложилась на достигших совершеннолетия мужчин. Однако наравне с другими членами семьи женщина получала все необходимое для жизнедеятельности, ее обеспечение продолжалось вплоть до вступления в брак, но право на пользования имуществом семьи девушка теряла с уходом в другую семью, становясь рабочей единицей другого хозяйственного коллектива.

Под заключением брака в Осетии исследователи подразумевали имущественную сделку, куплю – продажу невесты за брачный выкуп ирад – калым [3, т. 1, с. 246]. Калым являлся исторически сложившейся компенсацией за увод работоспособного члена семьи и дифференцировался по сословному признаку. За дочь представителя высшего сословия калым достигал в среднем 1000 рублей серебром, за дочь свободного общинника от 400 – 600 рублей, самый низкий калым предусматривался за представительницу невольного сословия, девушку – работницу. Преимущественно калым выплачивался скотом, ценными предметами – оружием, котлом для варки пива и т. д.

Имущественная сторона свадебного обряда до начала XIX века концентрировалась исключительно на институте калыма, семья невесты устанавливала размер калыма за дочь после выплаты, которого заключался брак. В XIX веке имущественное обеспечение девушки в период вступления в брак дополнилось появлением приданого и увеличением прав собственности на выделенные в нем предметы. Исследователи традиционных институтов брачного выкупа и приданого связывали распространение последнего с постепенным дроблением большой семьи на малые [10], в которых выплата калыма наносила существенный урон материальному благосостоянию. В Осетии начало распада большой патриархальной семьи и одновременное распространение приданого стало взаимосвязанным явлениям. «Значительные изменения в традиционном гендерном соотношении проявились со всей очевидностью в эпоху пореформенной модернизации осетинского общества, которая

была обусловлена его интеграцией в российское законодательство экономическое и социокультурное пространство, поведением буржуазных реформ, массовым переселением горцев на равнинные земли, формированием городского пространства», - отмечала З. В. Канукова [2, с. 63].

Взаимозависимость калыма с приданым ярче всего прослеживается в середине XIX века, когда приданое закрепляется как обязательный элемент свадебной церемонии, последнее отразилось в нормах обычного права осетин. Сборники адатов 1849 года заключали: «Если девица, поступающая в замужество, не была от родителей исправлена в достаточном количестве платьем, в таком случае уменьшается калым по усмотрению и обоюдному согласию» [4, с. 42]. Последнее является свидетельством возрастания значимости приданого в имущественном праве осетин при заключении брака. Формирование приданого невесты в Северной Осетии получило имущественное основание из калыма. В Приговоре осетинского народа от 1859 г. в пункте 17 предполагалось передать третью часть от калыма на приданое невесте в собственность [8, с. 20]. Подтверждают это и свидетельства этнографических источников: «когда сватовство покончено, и дело свадьбы уже решено, женихом выдается калым на приобретение приданного для невесты (от 120—180 и больше рублей) [7, т. 1, с. 243], последнее описано в периодической печати второй половины XIX века в среде осетин – дигорцев. Также В. Пфаф исследуя семейное право осетин, отмечал: «Прежде как видно, было у осетин обыкновение из 25 коров полного калыма отдавать 6 или 7 коров в приданое невест, т. е. ей покупали платья и домашнюю утварь» [9, т. 2, с. 296], подобные свидетельства находятся и в работе З. Сосиева о станице Черноярской: «Перед тем, как должна состояться свадьба, за месяц или за два, со стороны жениха должны уплатить калым, размер которого колеблется между 100 и 150 рублями, эти деньги целиком идут на постройку приданого невесте, а в большинстве случаев родители приплачивают еще столько для того, чтобы не отправить дочь из дому без какого-либо положенного по обычаю предмета» [11, т. 4, с. 170] (последние свидетельства относятся ко второй половине XIX века и затрагивают северные общества Осетии с христианским населением). Отметим, что в приданое невесты – (чынды дзауматта) состояло из предметов общего пользования мужа и жены – постельных принадлежностей, домашней утвари, личного имущества невесты – платьев, украшений, а также подарков для новых родственников. Платье невесты шилось из ткани подаренной ей женихом: еще до свадьбы семья жениха одаривала невесту отрезами ткани на экипировку. С распространением приданого в свадебной церемонии осетин появился обычай публичного оглашения состава приданого и подарков во время церемонии открытия сундука невесты. В прошествии 3 дней со дня свадьбы собирались близкие родственники жениха и соседи, шафер открывал сундук невесты, в присутствии старшей

женщины семьи перечислялись подарки родственникам жениха. Последний обычай продолжает существование и в современной свадебной обрядности, так как приданое осталось одним из важнейших компонентов свадьбы.

В центральной части Северной Осетии и в Южной Осетии встречаются свидетельства того, что приданое еще в первой половине XIX в. являлось необязательным элементом свадьбы [4, с. 7], и основание получало из имущества выделяемого семьей невесты, которое также могло формироваться из брачного выкупа. По свидетельствам К. Хетагурова в Нарском обществе: «Стоимость наряда (невесты) зависит, конечно, от состоятельности родителей» [14, с. 348]. В периодической печати середины XIX века встречается упоминание о сговоре представителей жениха с родителями невесты о приданом. «Желая им благополучно окончить сватовство, потому что часто сваты, неловко передавая желание родителей жениха о приданом, какое за невестой должны дать ее родители, бывают поводом ссоры...» (Кударское и Мамисонское ущелье) [7, т. 1, с.104 -105]. В газете «Тифлиссские ведомости» 1830 года анонимный автор отмечал, «отец невесты назначает ей приданое. Самое меньшее всегда определяется в половину против урата. У добросовестного же и любящего дочь свою осетина, иногда приданое далеко превышает и самый урат- калым» [7, т. 1, с. 22]. Рассматривая имущественное обеспечение женщины, при заключении брака следует отметить, что выдел приданого невесте полностью зависел от решения ближайших агнатов. Отказываясь от незначительной части имущества в пользу сестры или дочери, агнаты превращают его в приданое и передают вслед за ней в новую семью, институт приданого компенсирует ее имущественную дискриминацию и в определённой степени влияет на статус невесты в новой семье.

Формирование личного имущества невесты в среде мусульман и христиан осетин также имело некоторые различия, а именно шариат предусматривал для невесты – мусульманки обязательную страховую имущественную часть при заключении брака, на случай развода или вдовства, прописанную в брачном договоре. Из 200 рублей по постановлению корана осетины – тагаурцы половину суммы переписывали в собственность невесты, или в никах, остальные осетины – мусульмане из 200 р. отдавали в собственность невесты только 50 рублей [15, с. 14]. По свидетельствам М. А. Мисикова *накехь* (никах), (брачный договор) состоял из животных – коров или эквивалентной денежной суммы в размере 200-500 рублей [5, с. 74]. Также М. А. Мисиков отмечал, что женщина имела право отдать сумму никаха под проценты или при соответствующем уходе приумножить стадо коров. Никах мог передаваться от жены к мужу, и в этом случае жена получала юридическое право на полную сумму в случае бракоразводного процесса [5, с. 74]. Никах переходил по наследству по женской линии, что для обычного права осетин являлось беспрецедентным

явлением. Заключение брачного договора являлось завершающей частью сватовства, никак составлялся в присутствии нескольких свидетелей из числа пожилых и уважаемых соседей и близких агнатов роднящихся сторон и муллы. Нередко брачный договор предусматривал выплату калыма за невесту не в полной мере: семья жениха недоплачивала установленную часть от имущества калыма, которая записывалась в собственность невесты, а в некоторых случаях никак скорее гарантировался невесте.

Имущественное обеспечение женщины в случае развода в среде христиан – осетин и осетин, исповедующих традиционную религию, регламентировалось нормами обычного права. Официальными причинами развода в осетинском народном праве признавались бесплодие, неверность-измена и физические недостатки или болезнь одного из супругов. Преимущественным правом при бракоразводных вопросах пользовался мужчина: «Осетинский обычай признает за мужем неограниченную свободу во всякое время прогнать жену (ауахта – т. е. отпустил развод по воле мужа), но не иначе как под условием потери им всего калыма» [3, т. 1, с. 256]. При веской причине развода, такой как бесплодие женщины или же долгое отсутствие наследников – сыновей, адат признавал за мужем право на возврат $\frac{1}{3}$ калыма. При измене жены муж получал половину калыма, в остальных случаях количество возмещенного ущерба устанавливали судьи. Развод у осетин считался окончательным только после того как муж сделает выстрел из ружья и пригласит в свидетели всех слышавших выстрел [14, с. 356]. Развод по инициативе жены в осетинском обществе встречался исключительно редко и предусматривал без достаточной причины возврат всего калыма или большей части его, мужу. В Сборнике адатов 1844 г. изъявление желания женщины на развод обязывало отца или братьев заплатить оставленному мужу 45 коров, если женщина вторично выходила замуж, то новый муж платил старому мужу снова 45 коров [4, с.27]. Причинами бракоразводного процесса со стороны женщины становилось грубое отношение мужа, его несостоятельность как семьянина, вмешательство в женскую хозяйственную сферу.

По нормам шариата развод, инициатором которого становился муж, предусматривал полную выплату жене и ее родственником никаха, гарантируемого ей по религиозному договору, только после этого он имел право на вторичный брак. Нарушение брачного договора и оскорбление имущественных прав женщины еще в конце XVIII века предусматривало конфликт двух родственных сторон, последствием которого могла стать и кровная месть. В подобных условиях в интересах мужа при бракоразводном процессе по его инициативе и без веских причин становилось добросовестное выполнение брачного договора. Однако по свидетельствам периодической печати конца XIX века [7, т. 1, с. 219 – 224] имущественное обеспечение женщины на случай развода оставалось на усмотрение

мужа, а последний всячески избегал выплат по брачному договору. Обратившись в российский суд, женщину отправляли к духовному суду, так как в компетенцию российского суда не входило разбирательство договоров имеющих религиозную основу. Мулла, рассмотрев «искковое дело» присуждал выплатить никах жене в полной мере, но не имел права взыскания имущества с мужа по брачному договору, чем пользовались многие мужья нежелающие дробления имущества семьи. В подобных случаях права женщины отстаивали близкие агнаты – отец, братья, которые в суде выступали от ее лица, невыполнение брачного договора наносило оскорбление главным образом семье, из которой она происходила.

Упрочение имущественных прав осетинки произошло во второй половине XIX века, о чем свидетельствовали М. М. Ковалевский и В. Пфаф. По словам М. М. Ковалевского: «С 1866 года и у христиан жена получает известное имущество: 1/3 ирада (калыма) уступается родителями в ее пользу и этой частью муж вправе распоряжаться только с ее согласия: на случай же развода она всецело поступает в руки жены» [3, т. 1, с. 256]. В. Пфаф отметил, что и 2/3 калыма могло перейти в собственность невесты [9, т. 2. с. 296]. Во второй половине XIX века разорительность калыма для осетинских семей способствовала установлению его фиксированной суммы. Во Владикавказе в 1866 г. представители трех сословий Северной Осетии установили норму калыма в размере 200 рублей, отмечает Дж. Шанаев [15, с. 13]. Фиксация нормы калыма явилось первым шагом общества на пути его полной отмене, во второй половине XIX века калым признавался архаизмом приостанавливающим развитие осетинского общества. В Приговоре осетинского народа составленного в 1879 г. упразднение калыма получило официальное подтверждение. Основной причиной отмены калыма стало его разорительность для осетин и «противность духу христианской религии и вообще европейской цивилизации» [3, т. 1, с. 241]. Также «Приговор» постановлял: «возложить брачную эксценировку невесты на обязанность родителей девушки никах же как обеспечивающий прочность магометанского брака и как религиозный обряд оставить нетронутым, но с тем однако чтобы он отнюдь не имел характера калыма то есть не пользовались бы им преждевременно родители невесты, а служил бы лишь обеспечением жены в случае развода по вине мужа» [7, т. 3, с 389]. Тем не менее, калым сохранился вплоть до начала XX века, что отразилось в периодической печати этого периода. В газете «Терские ведомости» в № 111 вышедшей 1907 году была опубликована статья посвященная повышению калыма в среде мусульман и христиан селения Тулатово (ныне г. Беслан) в Северной Осетии. Средний калым в селении достиг 400 рублей. Автор публикации отмечал: «... при таком разорительном обирании друг друга за счет своих дочерей, экономическая жизнь туземцев всегда хромает, способствуя сильной задолженности их, не дающей им возможности стать как следует на ноги» [6, д. 1 л. 230]. Калым постепенно исчезает с

установлением Советской власти, приданое же продолжает свое существование и на современном этапе, являясь обязательным элементом свадебной церемонии.

Подводя итоги, следует выделить постепенную трансформацию имущественных прав женщины в XIX веке, появление во второй половине XIX века законного права на увеличение имущества и расширение прав частной собственности, а также закономерный подъем социального статуса женщины связанный с выделением части имущества в личную собственность. Формирование имущественного обеспечения, рассмотренное в статье, позволяют выявить гендерные изменения: увеличение внимания осетинской интеллигенции к положению осетинки во второй половине XIX века проявившееся в периодической печати, а также в «Приговорах осетинского народа 1859 г. и 1879 г.». Несмотря на вышесказанное, стоит отметить отпечаток многовекового патриархального уклада, не позволяющего женщине в полной мере стать полновластной собственницей имущества гарантированного ей при бракоразводном процессе. Религиозный договор, закрепляющий право женщины на часть имущества на случай развода или вдовства, на деле скорее гарантировался, и обязательства выполнения оставались на усмотрение мужа. Незащищенность имущественных прав женщины до второй половины XIX века привела к появлению законного права на часть калыма, инициатором которого стала российское законодательство и деятельность осетинской интеллигенции.

Список литературы

1. Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 205 с.
2. Канукова З.В. Гендерные процессы в Осетии в период общественных трансформаций//«Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». Сб. тезисов, докладов и сообщений VI Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. – Нальчик – Москва, 2013. – Т. 1. – С. 62- 63.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко – сравнительном освещении. Т.1-2. – Владикавказ: Алания, 1995. – С. 342, 412.
4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1883. Вып. II. С. 1-77.
5. Мисиков М.А. Материалы для антропологии осетин. – Одесса: Типография Техникъ, 1916. — 150 с.

6. Научный архив Северо-осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. (НА СОИГСИ) Ф. 11. Оп.1.
7. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. – Цхинвали: Ирыстон, 1981. – Кн. 7. – 370 с.
8. Приговор осетинского народа (текст). Владикавказ.: Издательско- полиграфического предприятие им В. Гассиева, 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 года. 26 с.
9. Пфаф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Т.1 – 2, С.- П., 2010.
10. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX-XX в. – М., 1983. – 390 с.
11. Сосиев З. Станица Чернаярская // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. – Цхинвали: Ирыстон, 1981. – Кн. 4. – 390 с.
12. Хадикова А. Х. Традиционный этикет Осетин. – Спб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2003. – 228 с.
13. Харузин Н. Н. Этнография. – Т. 3. – СПб., 1903. – 332с.
14. Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений в 5-ти т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т.IV. – С. 313-374.
15. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. 4. – Тифлис, 1870. С. 1-30.

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор, директор ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания, г. Владикавказ;

Марзоев И.Т., д.и.н., ведущий сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания, г. Владикавказ.